

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В конце XX — начале XXI вв. в языкознании обозначился и стремительно растет интерес к проблемам общечеловеческого и национального в языке, языковой концептуализации, соотношению языка и внеязыковой действительности. Развитие когнитивной теории, лингвистики текста и поэтики, теории интертекста во второй половине XX в. привело к гигантскому качественному скачку в изучении ономастики (А.В. Суперанская), что позволило внести коррективы в теорию имени собственного. По мнению А.А. Фомина, «это те науки, с которыми литературная ономастика может сегодня эффективно взаимодействовать при решении своих задач» [1, с. 118]. При этом включение литературной ономастики в современную лингвистическую парадигму предполагает решение ряда внутринаучных задач. В частности, тщательному анализу, по мнению исследователя, должно быть подвергнуто центральное понятие литературной ономастики — понятие литературного онима (или поэтонима, как его еще называют) с точки зрения его языковой природы и статуса в тексте, а также внутритекстовых и интертекстуальных связей [1, с. 118–119]. Сходной точки зрения придерживается и Н.В. Васильева, которая считает, что круг вопросов, связанных с интертекстуальным аспектом функционирования имен собственных (далее ИС), до сих пор еще недостаточно разработан и является одним из перспективных направлений в ономастике [2, с. 12].

Как отмечают исследователи, художественный текст, являясь частью семиосферы культуры, «всегда связан с другими текстами, которые преобразуются или частично используются в нем, служат для выражения его смыслов» [3, с. 23]. В результате такого «диалога» текстов друг с другом, а также автора с читателем (и наоборот)¹, текста с иным культурным контекстом, возникают множественные культурные связи: межтекстовые и вне-текстовые, в выявлении и актуализации которых важную роль играют ИС.

Для нашего исследования важным является рассмотрение ИС в качестве одной из универсалий языка и культуры, способного выполнять функцию аккумуляции, хранения и трансляции традиций, истории, культуры народа и в силу этого являться сложным языковым знаком [4, с. 1]. В связи с рассматриваемой проблемой учитывается также следующее уточнение понятия интертекстуальности, которое дает Ю.М. Лотман: «В культурологическом (общеестетическом) смысле интертекстуальность соотносима с понятием культурной традиции — семиотической памяти культуры» [цит. по: 5, с. 46]. Такое определение интертекстуальности (ее широкое видение) обуславливает, на наш взгляд, правомерность рассмотрения собственных имен в качестве ее важнейших вербально-знаковых составляющих, одного из способов сохранения традиции во времени (В.Н. Топоров)

¹ Имеется в виду процесс интерпретации текста читателем.

в силу их семиотического содержания, позволяющего кодировать культурную информацию и представлять ее в виде свернутого мотива, сюжета или текста. Результатом такой взаимосвязи между интертекстуальностью, культурой и ИС является возможность установления межтекстовых отношений через имена, а также выявление «неочевидных смыслов» (Т.М. Николаева) в тексте с помощью онимов.

Исследователь М.А. Бологова, исходя из понимания имени, как самой архаичной, статичной и синтетичной (мифологичной) формы художественной практики, полагает, что в произведениях неклассического типа художественности с их текстологической открытостью ИС может служить основой для многих построений и влечет за собой мотивы, сюжеты, жанры, тексты и т.д. [6, с. 133–141]. Кроме того, ИС можно рассматривать в качестве доминант смыслообразования художественного текста, «которые могут пониматься как доминирующий в данном тексте *индикатор*, и даже *канал традиции*, т.е. преимущественный способ маркировки и вхождения интертекста <...>» [6, с. 139].

Таким образом, все три понятия: интертекстуальность, культура, ИС оказываются тесно связанными между собой. При этом, как известно, культура в целом может пониматься как «сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию текстов в текстах и образующий сложные переплетения текстов» [7, с. 72]. В этой сложной системе ИС может выступать как *свернутый лингвокультурный текст*, быть «семиотическим воплощением культурной информации» (С.М. Пак), декодировав которую, можно развернуть этот текст, а следовательно, те культурные знания, которые были систематизированы и структурированы в нем. В результате такого развертывания возникает *вертикальный контекст*, который является одной из областей реализации имплицитности в художественном тексте.

Объектом нашего исследования является ономастическое пространство романа Т. Толстой «Кысь». Этот роман, опубликованный в 2000 г. после 14 долгих лет работы, сразу стал настоящей литературной сенсацией, вызвав всплеск интереса, как со стороны читателей, так и со стороны критиков. Исследователи отмечают несомненную связь данного произведения с эстетикой постмодернизма и как следствие этого — его интертекстуальную насыщенность². По оценке многих ученых, интертекстуальность в романе проявляется на всех уровнях структуры текста: семантическом, фонетическом, синтаксическом и образно-тематическом (явные и скрытые цитаты, аллюзии, центоны, заимствования, пародия и т.д.). Разнообразны также источники предтекстов, к которым обращается автор: литература (как русская, так и зарубежная)³, фольклор, Библия, мифология, история и др.

В романе «Кысь» Т. Толстая создает особый художественный мир, где чрезвычайно богатый, яркий и разнообразный пласт онимической лек-

² См., например: [http:// www.guelman.ru](http://www.guelman.ru).

³ См. об этом более подробно: [8, с. 70].

сики играет ключевую роль в создании общей концепции произведения, постижения глубинных смыслов, заложенных автором.

Анализ данного произведения показал, что ономастическое пространство текста очень насыщено. В романе зафиксирована значительная группа ИС (более 2000 тысяч, включая различные реализации). Большая часть имен может быть названа аллюзивно-прецедентными (термин М.У. Худайбердиной), которые отсылают к текстам предшествующей и окружающей культуры, апеллируют к общечеловеческим и национально-культурным ценностям, являясь маркером интертекстуальности.

Исследование показало, что в романе «Кысь» можно выделить две наиболее значительные группы аллюзивно-прецедентных имен: антропонимы и библионимы⁴, которые репрезентируют: 1) «тексты культуры» и 2) «тексты литературы» (Ю.А. Рылов).

К антропонимам, представляющим «тексты культуры», относятся: 1) имена поэтов, писателей, драматургов, литературных деятелей (*Достоевский, Антон Чехов, Гоголь, Тургенев, Андрей Белый, Хлебников, Набоков, М. Горький, Д. Бедный, Лимонов, Пастернак, Пушкин, Заболоцкий, Платонов, Жюль Верн, Золя, Сартр, Кафка, Шекспир, Шукшин, Петрарка, Софокл, Фолкнер, Нина Садур, Боборыкин, Бородулин, Жуков, Джон Чивер, Шмелев, Полевой, Евгений Гуцало, Сергей Сартаков, Антонина Коптяева, Крылов, Катаев, Якуб Колас, Лебедев-Кумач* и т.д.); 2) имена политических и государственных деятелей (*Рейган, Жириновский, Гитлер, Плеханов, Плеве*); 3) имена ученых и философов (*Андрей Дмитриевич Сахаров, Иммануил Кант, Платон, Плотин, Розанов, Шопенгауэр, Эпштейн*); 4) имена святых (*Бенедикт, Христофор, Матвей*); 5) имена музыкантов, композиторов (*Брамс, Соловьев-Седой*); 6) имена художников, скульпторов (*Дюрер, Бенвенуто Челлини, Опекушин*); 7) имена мифологических героев (*Давид*).

К библионимам, представляющим собой «тексты литературы», мы отнесли следующие единицы: 1) заглавия любого письменного произведения различной тематики (*«Красное и черное», «Алые паруса», «Дети Арбата», «Евгения Гранде», «Евгений Онегин», «Муму», «Илиада», «Чиполлино», «Макбет», «Гамлет – Принц Датский», «Шу-Шу. Рассказы о Ленине», «Гагарин. Мы помним Юру», «Русско-японский политехнический словарь», «Русское богатство», «Новый мир», «Северный вестник», «Вестник Европы», «Пчеловодство», «Справочник партизана, «Гуманистические аспекты творчества Шолохова», «Волк и ягненок», «Чукотка. Демографический обзор», «Художники-маринисты», «Плейбой», «План народного развития на пятую пятилетку», «Плитка керамическая. Руководство по укладке», «Плачи и заповеди южных славян», «Чум — жилище народов Крайнего Севера», «Чень-Чень. Озорные сказки народов Конго»,*

⁴ Вслед за Н.В. Подольской, под термином *библионим* мы понимаем «название, заглавие любого письменного произведения художественного, религиозного, научного, политического и т.д.» [9, с. 42].

«Озеро Титикака», «Федорино горе», «Шах-намэ», «Бубулина — народная героиня Греции», «Клим Самгин», «Дети подземелья», «Дети Ванюшина», «Ниндзя в кровавом плаще» и т.д.); 2) имена персонажей литературных произведений (*Роджер, мистер Блэк, Изабелла, Каролина, дон Педро, Владимир, Людмила*); 3) имена сказочных персонажей (*Колобок, курочка Ряба, Али-Баба*).

Таким образом, на основе приведенной выше типологии можно сделать следующие выводы. Аллюзивно-прецедентные имена, которые Т. Толстая использует в своем романе «Кысь», разнообразны и многочисленны. Они являются интертекстуальными сигналами, несущими в себе определенные культурные коды. Автор активно использует «культурогенные возможности» ИС как сложного языкового знака, вступая в диалог как с мировой литературой, так и со всем культурно-историческим наследием человечества, актуализируя определенные культурные ценности в языковом сознании читателя. Проанализированный материал показывает, что фонд аллюзивно-прецедентных ИС, использованный Т. Толстой, состоит как из национальных, так и иноязычных имен, однако носит отчетливо национальный отпечаток: отражает историю страны, культуру и традиции народа.

Исследование ИС с позиций теории интертекстуальности дает возможность не только более глубокого понимания содержания произведения, интенций автора, но и позволяет расширить взгляды ученых на сущность имени как сложного языкового знака, при дешифровке которого возможно увидеть стоящий за ним предтекст (текст-донор), а также подтекстовую (имплицитную) информацию, эксплицировать скрытые смыслы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фомин, А.А. Литературная ономастика в России: итоги и перспективы // *Вопр. ономастики*. — 2004. — № 1. — С. 108–120.
2. Васильева, Н.В. О функциях собственных имен в художественных текстах // *Вопр. филологии*. — 2005. — № 3 (21). — С. 7–13.
3. Николина, Н.А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. — М., 2003.
4. Гурская, Ю.А. Культурогенные возможности лингвистического знака: ключевые имена в русском и белорусском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; 10.02.02; Белорус. гос. ун-т. — Минск, 1995.
5. Абрамова, Е.И. Интертекстуальные связи в художественном тексте // *Имя и слово: сб. науч. и учеб.-метод. тр. / Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина*. — Вып. 2. — Брест, 2006. — С. 45–59.
6. Бологова, М.А. Текст и смысл: стратегии чтения // *Критика и семиотика*. — 2004. — Вып. 7. — С. 133–141.
7. Лотман, Ю.М. Семиосфера: Сборник. — СПб., 2000.
8. Смирнова, М.В. Формула книги. Иллюзия и аллюзии в романе Т. Толстой «Кысь» // *Вестн. молодых ученых. Сер. филол. науки*. — 2003. — № 1. — С. 70–76.
9. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1988.